

УДК 930.1

ИДЕОЛОГИЯ АССИРИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

С.Б. Крих, А.А. Попова

*Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
г. Омск, 644077, Россия*

Аннотация

В статье рассматривается проблема теоретико-методологических подходов к изучению ассирийской идеологии в современной историографии. Авторами предпринята попытка реконструировать основную тенденцию развития ассириологии, начиная с исследований середины XIX в. и заканчивая трудами первого десятилетия XXI в. Особое внимание уделяется работам Р.Дж. Томпсона, Л.Р. Сиддала, Б. Понгратц-Лайстен, М. Карлссона. Из-за смены исторической парадигмы, связанной с антропологическим поворотом, учёные начинают более подробно описывать древние общества, отходя от заданных ранее стандартов, согласно которым древневосточные государства представлялись весьма стереотипно (в основном в виде деспотий) и рассматривались не как самоценная система взаимосвязей и взаимоотношений, развивающаяся в определённой культурной и ментальной среде, а как ранний этап истории современного человечества. В то же время, как показывают результаты анализа, применение возникших в 60–70-е годы XX в. методологических подходов привело к размыванию предмета изучения, что, в свою очередь, не даёт однозначного понимания истории идеологии.

Ключевые слова: ассириология, востоковедение, Ассирия, Ассирийская империя, зарубежная историография, идеология

Ассирия, возникшая из небольшого нома и впоследствии превратившаяся в одну из крупнейших империй древнего мира, выработала особый порядок взаимодействия с населяющими её этносами. Интерес к идеологической системе именно этого государства вызван тем, что в нём была создана первая идеология имперского типа, обосновывавшая внешнюю политику и регулирующая отношения в рамках страны. Её основные положения были позднее восприняты рядом государств в ближневосточном регионе.

Как отдельная сфера знаний востоковедение в теоретико-методологическом плане развивалось несколько медленнее тесно с ним связанных наук – лингвистики и истории. Это можно объяснить в первую очередь преобладанием идей европоцентризма на раннем этапе и ориентацией на собирание и обработку исторического материала, который оказался достаточно обилён благодаря двум столетиям деятельности археологов, несмотря на перерывы, обусловленные беспокойной историей Востока. Тем не менее тенденции развития исторической

науки затронули и ассириологию. Обращение к проблеме ассирийской идеологии стало одним из следствий применения новых теоретико-методологических установок. В данной работе мы попытаемся показать, как различные подходы повлияли на представление о специфике идеологии.

С начала изучения Ассирии в середине XIX в. интерес учёных был преимущественно сосредоточен на описании археологических памятников, переводе и первичной интерпретации источников. Среди подобных трудов необходимо выделить работы П.-Э. Ботта [1], О.Г. Лейарда [2], В. Андре [3, 4] по археологии Ассирии, а также публикации и переводы ассирийских текстов Э. Эбелинга [5], Э.А.У. Баджа и Л.В. Кинга [6], Д.Д. Лакенбилла [7, 8], Б. Мейснера [9], К. Джонстона [10] и др. В основном первые исследователи ассирийских надписей интерпретировали их непосредственно как исторический текст [11]. Кроме того, в период с конца XIX в. по 20-е годы XX в. одной из активно разрабатываемых в ассириологии тем являлась история религии. Здесь особенно показательны сочинения Б. Ландсбергера [12], Т.Г. Пинчеса [13], Д.А. Маккензи [14]. Следует также отметить, что на данном этапе, как правило, культуры Вавилонии и Ассирии не разделялись, а изучались как составляющие общей месопотамской традиции, что, в свою очередь, нивелировало их особенности в восприятии исследователей.

В дальнейшем появляются обобщающие труды по истории Ассирии, авторы которых пытаются дать оценку характера государства. В частности, таких исследователей, как А.Т. Олмстед [15] и Г.С. Гудспид [16], интересуют вопросы политической истории и государственного устройства Вавилонии и Ассирии. Однако в исследованиях по этой тематике можно встретиться со своеобразной схематизацией восточной деспотии: представлением о статичности её существования, объяснением причин войн темпераментом, характером того или иного народа, а также узкополитическими мотивами. В конце 40-х – 50-е годы выходят немногочисленные, но тем не менее замеченные зарубежными историками работы советских авторов, ориентированные на рассмотрение экономических аспектов ассирийского общества [17, 18].

В этот же период были предприняты первые попытки интерпретировать специфику царской власти на Ближнем Востоке. Так, в работе К.Дж. Гадда мы встречаем следующий тезис: в сознании древнего человека сосуществовали две концепции – бога и царя, однако они не знали эволюции, поскольку особенностью развития древневосточного общества являлось стремление к сохранению порядка, установленного далёкими предками [19, р. 35–36]. Учёный утверждает: власть могла восприниматься только как правление от бога, и этот концепт не зависел от политических манифестов, оправдывающих действия властей, о чём говорит отсутствие видимой пропаганды. Общение царя с богами, по мнению названного автора, воспринималось как сакральное действие личного характера, оно не распространялось на государство в целом [19, р. 61–62]. Подобной точки зрения придерживался и А.Л. Оппенгейм, полагающий, что царские тексты в большей степени имеют отношение к церемониалу и не предназначены для других видов коммуникации (см. [20, р. 118]). Дж. Финкельштейн относит подобные тексты к виду придворной канцелярии, не считая возможным классифицировать их как пропаганду (см. [20, р. 64]).

Следует отметить, что в монографии К.Дж. Гадда основной акцент сделан на внешний, описательный аспект царской власти в ближневосточном государстве. Нет указания на то, как вера в её божественное происхождение влияла на отношения правителя с народом, как эта идея передавалась и воспроизводилась в массах. Более того, отрицание факта развития политической мысли у представителей древнего общества, абсолютизация некой примитивности их сознания не дают возможности более глубоко интерпретировать тексты.

Долгое время в исторической науке проблема идеологии древних и даже средневековых обществ не рассматривалась в принципе. На наш взгляд, это вызвано двумя ключевыми факторами. Во-первых, как уже было показано, данные социумы представлялись несколько примитивными и не обладающими в достаточной мере рациональным мышлением. Последнее считалось присущим в своём чистом виде лишь европейским цивилизациям, которые проходили иные этапы развития, нежели восточные. Так, А. Гоулднер полагает, что идеология является результатом социокультурных изменений, связанных с кризисом классических способов общественного воспроизводства, приведшим к появлению нового типа рациональности в европейских обществах. Идеология, как полагает автор, – новый вид политического дискурса, формирующий иной взгляд на мир, который не ссылается на авторитет, традицию или эмоциональную риторику, а обосновывает политические действия в понятиях светской и рациональной теории, основанной на логической связи и доказательности своих положений [21, р. 84–85].

Во-вторых, причиной позднего обращения к теме древней идеологии можно назвать негативное отношение к ней как таковой, ставшее реакцией на марксизм и установление тоталитарных режимов в XX в. В свете данных событий идеология воспринималась как явление новейшего времени, соответственно, ей приписывались те признаки, которые выводились из эмпирического опыта наблюдателей (в том числе историков), а это не давало возможности увидеть нечто похожее в более ранних исторических эпохах.

Во второй половине XX в. в политологической науке начинаются активные споры по теории идеологии. Возникает концепция деидеологизации, сторонниками которой были Д. Белл [22], Р. Арон [23] и др. Они противопоставляли науку и идеологию: первая ориентируется на истинное, объективное знание, тогда как вторая выражает субъективные классовые интересы. По мнению Ю. Хабермаса, если в XIX в. идеология существовала в форме политических теорий, то в XX в. она формирует взгляды народных масс [24]. Иными словами, идеология предназначена для манипуляции массовым сознанием. Против этих положений выступает школа структурного функционализма, представители которой считают, что идеология стабилизирует общество и объединяет его [25]. Это нашло отражение в популярной в 70-е – 80-е годы XX в. концепции реидеологизации, согласно которой идеология признаётся необходимой, поскольку определяет принципы внешней и внутренней политики любого государства [26].

С середины XX в. ситуация меняется и в исторической науке. Крушение тоталитарных режимов и колониализма привело к постановке новых вопросов, связанных, в частности, с возникновением, функционированием и гибелью империй. Результатом глубокого изучения данных феноменов стала мысль о возможности существования идеологии в империях не только Нового времени,

но и более ранних. Кроме того, в послевоенный период, ознаменованный распадом колониальной системы, постепенно стабилизируются условия для археологических исследований.

Отметим также, что с 60-х годов XX в. развитие исторической науки значительно ускоряется. Происходит историко-антропологический поворот, и за относительно короткий промежуток времени появляется множество различных направлений исторического исследования. Одновременно с этим европейская наука постепенно отказывается от глобальных теорий (марксизма и модернизации), ориентируясь на эмпирическое рассмотрение явлений.

По нашему мнению, актуализировали изучение идеологии такие направления, как постмодернизм и история ментальности. Постмодернисты по-новому представили проблему прочтения источника, утвердив неисчерпаемость информации, содержащейся в историческом тексте, а это позволило иначе взглянуть на малоинформативные и однотипные, как казалось ранее, памятники древнего мира. Во многом именно с этим культурным течением связан переход от теоретизирования к конкретным исследованиям. История ментальности способствовала появлению интереса к древним обществам, которые теперь рассматривались не как ранняя стадия развития современных, а как самоценная система взаимосвязей и взаимоотношений, складывающаяся в определённой культурной и ментальной среде.

Первое обращение к теме ассирийской идеологии происходит лишь в конце 70-х – начале 80-х годов. В 1979 г. в Копенгагене был издан сборник статей “Power and Propaganda: A Symposium on Ancient Empires” под редакцией М.Т. Ларсена, посвящённый изучению властных отношений в рассматриваемом регионе. Здесь опубликована статья М. Ливерани “The Ideology of the Assyrian Empire”, в которой впервые поставлена проблема ассирийской имперской идеологии и освещена её структура [27]. В 1981 г. вышел сборник статей под редакцией Ф.М. Фалеса “Assyrian Royal inscriptions: New Horizons in Literary, Ideological, and Historical Analysis”, в котором нашли отражение новые подходы к исследованию Ассирии, в том числе её идеологии. В частности, П. Гарелли анализирует титулатуру ассирийских царей с точки зрения её идеологического значения [28], Х. Тадмор рассматривает их тексты с целью выявления в них концептуальных формул [29].

Изучение особенностей ассирийской идеологии продолжается в 1990-е годы. Так, упомянутый нами Х. Тадмор в работе “Propaganda, Literature, Historiography: Cracking the Code of the Assyrian Royal Inscriptions” отмечает, что в Ассирии, помимо вмурованных в стену надписей, существовали стелы, распространяемые по всей империи и устанавливаемые в доступных для визуального восприятия местах. По мнению исследователя, пропаганда была направлена не на всё население, а в первую очередь на царский двор и местную администрацию, которые являлись проводниками идеологической мысли между царём и народом [30, p. 330–331].

Весьма интересна статья Б.Н. Портер “Politics and Public Relations Campaigns in Ancient Assyria: King Esarhaddon and Babylonia”. Автор критикует своих коллег за абсолютизацию ассирийской идеологии и пропаганды, ограничение их рамками устрашения населения империи и представление их статичными.

На конкретном примере вавилонской политики Асархаддона (681/680–669 гг. до н. э.) историк показывает: ассирийский царь не использовал милитаристские пассажи в отношении Вавилонии, что было связано с политической нестабильностью в данном регионе, находящемся в непосредственной близости от сердца империи [31, р. 165–167]. Тем самым утверждается следующее: идеология Ассирийской империи не была замкнутой, она эволюционировала и могла реагировать на внешние раздражители в зависимости от их специфики.

Монографические труды по ассирийской идеологии стали появляться лишь в начале XXI в. Рассмотрим несколько работ, которые наиболее ярко иллюстрируют тенденции, наблюдаемые в современной исторической науке.

Р.Дж. Томпсон в своём исследовании “Deuteronomistic covenant and Neo-Assyrian Imperial Ideology: A Study of the Deuteronomistic History in its Historical Context”, соглашаясь с М. Ливерани, отмечает, что идеология необходима для обеспечения возможности организовывать и эксплуатировать народ в интересах империи, она служит для установления порядка на присоединяемых территориях. По мнению автора, в основе ассирийской идеологии лежит представление об универсальном боге Ашшуре, который заключает в себе гражданскую (административную) и военную власть [32, р. 169–170]. Главное внимание сосредоточено на изменениях, произошедших в идеологии Ассирии со времени правления Ашшурнацирапала II (ок. 884–859 гг. до н. э.) до царствования Ашшурбанипала (ок. 669–633 гг. до н. э.). На первом этапе идеология основывалась по большей части на чувстве страха перед божественным разрушительным сиянием Ашшура [32, р. 170–177]. При Тиглатпаласаре III (ок. 745–727 гг. до н. э.) идеологический курс меняется: теперь он направлен на интеграцию населения и объединение народов вокруг имперского центра, чему служили, в частности, депортационная политика и заключение договоров, а в случае неподчинения применялись жестокие меры [32, р. 185–193]. При Саргониде (722–627 гг. до н. э.) остро встаёт вавилонская проблема, поэтому цари озабочены тем, чтобы адаптировать культ вавилонского Мардука в рамках ассирийской идеологии [32, р. 199–203; 210–211; 211–217].

Как видим, развитие ассирийской имперской идеологии Р.Дж. Томпсон связывает с устремлением царей передать богу Ашшуру права универсальной имперской юрисдикции. Здесь следует отметить некоторые моменты теоретического плана. В данном случае автор определяет идеологию в общем виде как отношения власти-подчинения с целью эксплуатации в интересах правящих структур. Такая интерпретация сходна с марксистским и неомарксистским пониманием идеологии, в соответствии с которым любые властные отношения направлены на завоевание и поддержание господства. При этом, в отличие Маркса, относившим идеологию к надстройке, зависимой от базиса, неомарксисты утверждали, что надстройка и базис взаимозависимы и властные (эксплуататорские) отношения возможны только при существовании идеологии. Подобную точку зрения мы встречаем и у Р.Дж. Томпсона.

Л.Р. Сиддалл в работе “The Reign of Adad-nīrārī III: An Historical and Ideological Analysis of an Assyrian King and His Times” сконцентрировал своё внимание лишь на правлении одного царя – Адад-нирари III (ок. 811–783 гг. до н. э.). Он отмечает сложившееся в историографии мнение, будто период с конца

правления Салманасара III (860/859–825/824 гг. до н. э.) и до начала царствования Тиглатпаласара III (745–727 гг. до н. э.) – это время критической слабости государства, поэтому не заслуживает тщательного изучения [33, р. 2–7]. Однако этап, выделенный автором, интересен тем, что известная своими милитаристскими пассажами ассирийская идеология должна была поддерживать правителей, которые практически не вели военных действий и не обладали высоким уровнем престижа. Изучив особенности функционирования идеологии в данный период, возможно понять, насколько она была продумана и как изменялась.

Под идеологией Л.Р. Сиддалл понимает свойственную какой-либо культуре систему мышления, обычаев, верований. Она сообщает идею порядка, которая, с одной стороны, стратифицирует общество, а с другой – объединяет его идеей. Пропаганда же – это распространение идеологии на определённую аудиторию с целью сделать её идеологию аналогичной представлениям пропагандиста. Такой инструмент используется доминирующей группой для изменения обычаев другой группы в своих интересах [33, р. 136–137].

Автор придерживается эмпирико-исторического метода и отказывается от принципов структурализма, так как, по его мнению, доказательства следует искать непосредственно в источниках, подвергшихся текстологическому анализу, нежели в социально-политических или экономических теориях. Помимо этого, он применяет семиотический подход к изучению власти и культуры, поскольку убеждён, что церемониальные объекты и метафоры правителей также сообщают социальную культуру [33, р. 8]. Таким образом, Л.Р. Сиддалл, в отличие от Р.Дж. Томпсона, переносит регулирование отношений «власть – подчинение» в область действия пропаганды, а идеологию как принцип общественного порядка причисляет в большей степени к социальной и культурной сферам.

Особенность труда Б. Понгратц-Лайстен “Religion and Ideology in Assyria” заключается в описании не только идеологии Ассирийской империи, но и её истоков. Исследователя интересует развитие идеологического дискурса на фоне меняющихся политических условий [34, р. 12]. Определение идеологии выводится из понятий «традиция» и «культурный дискурс». Традиция – это развивающаяся основа культурной памяти, информируемая изменениями социальных ценностей и практикой. Культурное наследие материализуется в культурном дискурсе, который постоянно переоформляется во всех средствах массовой информации, в том числе в мифе, ритуале, историографии, искусстве. Культурный дискурс – это все средства выражения: изображение, текст, ритуал. В нём происходит постоянное изменение традиции и её повторная концептуализация как реакция на конкретную историческую ситуацию. Идеология – это подкатегория культурного дискурса, включающая концептуальные нововведения, которые обрабатываются в рамках традиции [34, р. 22–23].

По мнению Б. Понгратц-Лайстен, важно также учитывать изменения взглядов агентов, создающих средства информирования населения, поскольку именно они общаются с аудиторией, участвуют в производстве культуры и составляют сообщество дискурса. Отсюда интерес автора к интеллектуальной (религиозной) элите Ассирии и её отношениям с царями в разные периоды. Это сотрудничество и взаимовлияние определяли особенности использования традиции в идеологическом дискурсе империи. В этом плане Б. Понгратц-Лайстен

полагает неверным рассматривать религию в качестве отдельного института, как это делали её коллеги, поскольку в ассирийском обществе религия представляет собой метадискурс, проникающий во все сферы жизни, одной из которых является идеология [34, р. 24].

Б. Понгратц-Лайстен придерживается позиции школы нового историзма, делающей акцент на интертекстуальный и дискурсивный анализ [34, р. 39]. Отсюда особое внимание уделено метафорам, мифам, тропам. Это, в свою очередь, позволяет автору выявить преемственность или разрыв между шумерскими и вавилонскими традициями, с одной стороны, и ассирийской, с другой. Помимо этого, в работе ощущается влияние постмодернизма, который дал возможность по-новому интерпретировать текст в свете специфического понимания истины, сложившегося в данном направлении мысли.

Таким образом, Б. Понгратц-Лайстен вписывает идеологию Ассирии в общий культурный контекст развития этой цивилизации, что значительно расширяет как понятие идеологии в целом, так и границы исследования. Следует также обратить внимание на следующий факт: отношения власти-подчинения представляются автором как отношения власти и интеллектуальной элиты. Такой взгляд на проблему является довольно новым, поскольку до этого историки или не учитывали участия религиозных элит в создании и распространении идеологии, или не уделяли этому достаточного внимания. Между тем двор и администрация – важнейшие агенты влияния в обществе со строго регламентированным доступом к информации.

М. Карлссон в исследовании “Relations of Power in Early Neo-Assyrian State Ideology” под идеологией понимает единый набор утверждений, выражающий воззрения правящих элит на политическое соглашение или легитимацию власти. Пропаганда – инструмент, направляющий идеологию в массы. Идеология и пропаганда важны для общества, поскольку формируют политические, военные и экономические условия его существования [35, р. 10–11].

Для изучения первичных концептов власти, впоследствии эволюционировавших в идеологическую систему, автор опирается на критическую теорию. Выступает также сторонником неомарксистских идей, связанных с определением места идеологии [35, р. 27–28]. Кроме того, впервые в исследовании по ассирийской идеологии применяется гендерная теория. С точки зрения М. Карлссона, гендер имеет прямое отношение к дискурсу власти. То, что ассирийское общество было патриархальным, не совершенно самоочевидно, истоки этой традиции должны быть изучены и объяснены. Описываются гендерные роли, которые участники принимают во время конфронтации. Например, своё государство ассирийцы наделяли признаками маскулинности, а вражеские – женскими чертами [35, р. 29–30].

Итак, проведённый обзор показывает, что развитие исторической и политологической наук значительно расширило предметную область и методологическую базу ассириологии. Следовательно, применение различных подходов к исследованию одной и той же проблемы изменяет видение предмета изучения, что, в свою очередь, может привести к различным результатам. В связи с этим встаёт серьёзный вопрос о возможности объединения результатов исследований современных учёных в рамках единого познавательного пространства.

Литература

1. *Botta P.E.* Monument de Ninive: 5 t. – Paris: Imprimerie nationale, 1849–1850.
2. *Layard A.H.* Nineveh and Its Remains: A Narrative of an Expedition to Assyria During the Years 1845, 1846, & 1847. – London: J. Murray, 1867. – 423 p.
3. *Andrae W.* Die Festungswerke von Assur. – Leipzig: J.C. Hinrichs, 1913. – 179 S.
4. *Andrae W.* Die Stelenreihen in Assur. – Leipzig: J.C. Hinrichs, 1913. – 88 S.
5. *Ebeling E.* Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts. – Leipzig: J.C. Hinrichs, 1919. – 354 S.
6. *Budge E.A.W., King L.W.* Annals of the Kings of Assyria: The cuneiform texts with translations, transliterations, etc., from the original documents in the British Museum. – London: British Museum, 1902. – 388 p.
7. *Luckenbill D.D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. – Chicago: Univ. Chicago Press, 1926. – V. 1: From the Earliest Times to Sargon. – 313 p.
8. *Luckenbill D.D.* Ancient Records of Assyria and Babylonia. – Chicago: Univ. Chicago Press, 1927. – V. 2: From Sargon to the End. – 504 p.
9. *Meissner B.* Assyrisch-babylonische Chrestomathie für Anfänger. – Leiden: E.J. Brill, 1895. – 110 S.
10. *Johnston C.* The Epistolary Literature of the Assyrians and Babylonians: Ph. D. diss. – Baltimore, MD, 1898. – 128 p.
11. *Olmstead A.T.E.* Assyrian Historiography: A Source Study. – Columbia: Univ. Missouri, 1916. – 66 p. (Univ. Missouri studies. Soc. science series. V. 3, No 1)
12. *Landsberger B.* Der kultische Kalender der Babylonier und Assyrer. – Leipzig: J.C. Hinrichs, 1915. – 150 S.
13. *Pinches T.G.* The Religion of Babylonia and Assyria. – London: Archibald Constable, 1906. – 131 p.
14. *Mackenzie D.A.* Myths of Babylonia and Assyria. – London: Gresham publ. comp., 1915. – 537 p.
15. *Olmsted A.T.* Oriental Imperialism // Am. Hist. Rev. – 1918. – V. 23, No 4. – P. 755–762.
16. *Goodspeed G.S.* A History of the Babylonians and Assyrians. – N. Y.: Ch. Scribner's Sons, 1927. – 446 p.
17. *Дьяконов И.М.* Развитие земельных отношений в Ассирии. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1949. – 152 с.
18. *Янковская Н.Б.* Некоторые вопросы экономики Ассирийской державы // Вестн. древней истории. – 1956. – № 1. – С. 28–46.
19. *Gadd C.J.* Ideas of Divine Rule in the Ancient East. – London: British Acad., 1948. – 101 p.
20. Propaganda and Communication in World History / Ed. H.D. Lasswell, D. Lerner, H. Speier. – Honolulu: Univ. Press Hawaii, 1979. – V. 1: The Symbolic Instrument in Early Times. – 645 p.
21. Studies in the Theory of Ideology / Ed. J.B. Thompson. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 347 p.
22. *Bell D.* The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties, with “The Resumption of History in the New Century”. – N. Y.: Free Press, 1965. – 540 p.
23. *Арон П.* Опиум для интеллигенции / Пер. с фр. – Мюнхен: Цент. об-ние полит. эмигрантов из СССР, 1960. – 234 с.
24. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». – М.: Праксис, 2007. – 202 с.

25. *Parsons T.* Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory. – N. Y.: Press of Glencoe, 1961. – 1479 p.
26. *Lipset S.M.* Political Man: The Social Bases of Politics. – Baltimore: J. Hopkins Univ. Press, 1981. – 586 p.
27. *Liverani M.* The Ideology of the Assyrian Empire // Power and Propaganda: A Symposium on Ancient Empires / Ed. M.T. Larsen. – 1979. – P. 297–317.
28. *Garelli P.* La conception de la royauté en Assyrie // Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons in Literary, Ideological, and Historical Analysis / Ed. F.M. Fales. – Roma: Istituto per l'Oriente, 1981. – P. 1–11.
29. *Tadmor H.* History and Ideology In the Assyrian Royal Inscriptions // Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons in Literary, Ideological, and Historical Analysis / Ed. F.M. Fales. – Roma: Istituto per l'Oriente, 1981. – P. 13–33.
30. *Tadmor H.* Propaganda, Literature, Historiography: Cracking the Code of the Assyrian Royal Inscriptions // Assyria 1995: Proceedings of the 10th Anniversary Symposium of the Neo-Assyrian Text Corpus Project / Ed. S. Parpola, R.M. Whiting. – Helsinki: Neo-Assyrian Text Corpus Project, 1997. – P. 325–338.
31. *Porter B.N.* Politics and Public Relations Campaigns in Ancient Assyria: King Esarhaddon and Babylonia // P. Am. Philos. Soc. – 1996. – V. 140, No 2. – P. 164–174.
32. *Thompson R.J.* The Deuteronomistic covenant and Neo-Assyrian Imperial Ideology: A Study of the Deuteronomistic History in its Historical Context: Ph. D. diss. – Harvard, 2011. – 346 p.
33. *Siddall L.R.* The Reign of Adad-nīrārī III: An Historical and Ideological Analysis of an Assyrian King and His Times. – Leiden: Brill, 2013. – 244 p.
34. *Pongratz-Leisten B.* Religion and Ideology in Assyria. – Boston; Berlin: De Gruyter, 2015. – 553 p.
35. *Karlsson M.* Relations of Power in Early Neo-Assyrian State Ideology. – Boston; Berlin: De Gruyter, 2016. – 502 p.

Поступила в редакцию
10.05.17

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: krikh@rambler.ru

Попова Алиса Андреевна, магистрант кафедры всеобщей истории

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
пр-т Мира, д. 55а, г. Омск, 644077, Россия
E-mail: alispopova13@yandex.ru

The Ideology of Assyria: The Historiography of the Problem

S.B. Krikh*, A.A. Popova**

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, 644077 Russia
E-mail: *krikh@rambler.ru, **alice.popova@rambler.ru

Received May 10, 2017

Abstract

This paper considers the problem of Assyriology development in the context of the general evolution of research on history. Assyriology has undergone the following several stages in its development: 1) middle 19th century – 1920s: collection, translation, and initial interpretation of data obtained during the archaeological expeditions; 2) 1930s – 1950s: creation of generalizing works, attempts to characterize the specificity of the state structure and royal power of Assyria; 3) late 1960s – early 21st century: the modern stage in Assyriology development, attempts to apply new approaches to the study of the history of Assyria. Based on how modern Assyriologists consider the problem of the ideology of Assyria, we tried to show that the newest theoretical and methodological approaches, such as the ones developed by R.J. Thompson, L.R. Siddall, B. Pongratz-Leisten, and M. Karlsson, are applied currently in the field of Assyriology. During the review of these monographs, the following conclusion has been made: the development of the methodological foundations of history research and their introduction into various spheres of historical knowledge, on the one hand, expanded the problematic field of Assyriology and allowed us to look at the archaeological sources from different perspective based on new data which were not earlier available to researchers. However, on the other hand, using the example of ideology, we have shown that researchers, due to differences in the applied approaches, see the problem of studying ideology and understand the basic terms in different ways. It leads to different results of research that cannot be combined within the framework of a single cognitive space.

Keywords: Assyriology, oriental studies, Assyria, Assyrian Empire, foreign historiography, ideology

References

1. Botta P.E. *Monument de Ninive*. 5 t. Paris, Imprimerie nationale, 1849–1850. (In French)
2. Layard A.H. *Nineveh and Its Remains: A Narrative of an Expedition to Assyria during the Years 1845, 1846, & 1847*. London, J. Murray, 1867. 423 p.
3. Andrae W. *Die Festungswerke von Assur*. Leipzig, J.C. Hinrichs, 1913. 179 S. (In German)
4. Andrae W. *Die Stelenreihen in Assur*. Leipzig, J.C. Hinrichs, 1913. 88 S. (In German)
5. Ebeling E. *Keilschrifttexte aus Assur religiösen Inhalts*. Leipzig, J.C. Hinrichs, 1919. 354 S. (In German)
6. Budge E.A.W., King L.W. *Annals of the Kings of Assyria: The Cuneiform Texts with Translations, Transliterations, etc., from the Original Documents in the British Museum*. London, British Museum, 1902. 388 p.
7. Luckenbill D.D. *Ancient records of Assyria and Babylonia*. Vol. 1: From the Earliest Times to Sargon. Chicago, Univ. Chicago Press, 1926. 313 p.
8. Luckenbill D.D. *Ancient records of Assyria and Babylonia*. Vol. 2: From Sargon to the End. Chicago, Univ. Chicago Press, 1927. 504 p.
9. Meissner B. *Assyrisch-babylonische Chrestomathie für Anfänger*. Leiden, E.J. Brill, 1895. 110 S. (In German)
10. Johnston C. The epistolary literature of the Assyrians and Babylonians. *PhD Diss.* Baltimore, MD, 1898. 128 p.
11. Olmstead A.T.E. *Assyrian Historiography: A Source Study*. Columbia, Univ. Missouri, 1916. 66 p. (University of Missouri Studies. Social Science Series, vol. 3, no. 1)

12. Landsberger B. *Der kultische Kalender der Babylonier und Assyrer*. Leipzig, J.C. Hinrichs, 1915. 150 S. (In German)
13. Pinches T.G. *The Religion of Babylonia and Assyria*. London, Archibald Constable, 1906. 131 p.
14. Mackenzie D.A. *Myths of Babylonia and Assyria*. London, Gresham Publ. Comp., 1915. 537 p.
15. Olmsted A.T. Oriental imperialism. *American Historical Review*, 1918, vol. 23, no. 4, pp. 755–762.
16. Goodspeed G.S. *A History of the Babylonians and Assyrians*. New York, Ch. Scribner's Sons, 1927. 446 p.
17. D'yakonov I.M. *Razvitie zemel'nykh otnoshenii v Assirii* [Development of Land Relations in Assyria]. Leningrad, Leningr. Gos. Univ. im. A.A. Zhdanova, 1949. 152 p. (In Russian)
18. Yankovskaya N.B. Some problems of the Assyrian Empire economy. *Vestnik Drevnei Istorii*, 1956, no. 1, pp. 28–46. (In Russian)
19. Gadd C.J. *Ideas of Divine Rule in the Ancient East*. London, Br. Acad., 1948. 101 p.
20. *Propaganda and Communication in World History*. Vol. 1: The Symbolic Instrument in Early Times. Lasswell H.D., Lerner D., Speier H. (Eds.). Honolulu, Univ. Press Hawaii, 1979. 645 p.
21. *Studies in the Theory of Ideology*. Thompson J.B. (Ed.). Cambridge, Polity Press, 1984. 347 p.
22. Bell D. *The End of Ideology: On the Exhaustion of Political Ideas in the Fifties, with "The Resumption of History in the New Century"*. New York, Free Press, 1965. 540 p.
23. Aron R. *L'opium des intellectuels*. Paris, Calmann-Lévy, 1955. 337 p. (In French)
24. Habermas J. *Technik und Wissenschaft als "Ideologie"*. Frankfurt am Main, Suhrkamp Verlag, 1968. 169 S. (In German)
25. Parsons T. *Theories of Society: Foundations of Modern Sociological Theory*. New York, Press of Glencoe, 1961. 1479 p.
26. Lipset S.M. *Political Man: The Social Bases of Politics*. Baltimore, J. Hopkins Univ. Press, 1981. 586 p.
27. Liverani M. The Ideology of the Assyrian Empire. In: *Power and Propaganda: A Symp. on Ancient Empires*. Larsen M.T. (Ed.), 1979, pp. 297–317.
28. Garelli P. La conception de la royauté en Assyrie. In: *Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons in Literary, Ideological, and Historical Analysis*. Fales F.M. (Ed.). Roma, Istituto per l'Oriente, 1981, pp. 1–11. (In French)
29. Tadmor H. History and ideology in the Assyrian royal inscriptions. In: *Assyrian Royal Inscriptions: New Horizons in Literary, Ideological, and Historical Analysis*. Fales F.M. (Ed.). Roma, Istituto per l'Oriente, 1981, pp. 13–33.
30. Tadmor H. Propaganda, literature, historiography: Cracking the code of the Assyrian royal inscriptions. *Assyria 1995: Proc. 10th Anniv. Symp. of the Neo-Assyrian Text Corpus Project*. Parpola S., Whiting R.M. (Eds.). Helsinki, Neo-Assyrian Text Corpus Project, 1997, pp. 325–338.
31. Porter B.N. Politics and public relations campaigns in ancient Assyria: King Esarhaddon and Babylonia. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 1996, vol. 140, no. 2, pp. 164–174.
32. Thompson R.J. The Deuteronomistic covenant and Neo-Assyrian imperial ideology: A study of the Deuteronomistic history in its historical context. *PhD Diss.* Harvard, 2011. 346 p.
33. Siddall L.R. *The Reign of Adad-nūrārī III: An Historical and Ideological Analysis of an Assyrian King and His Times*. Leiden, Brill, 2013. 244 p.
34. Pongratz-Leisten B. *Religion and Ideology in Assyria*. Boston, Berlin, De Gruyter, 2015. 553 p.
35. Karlsson M. *Relations of Power in Early Neo-Assyrian State Ideology*. Boston, Berlin, De Gruyter, 2016. 502 p.

Для цитирования: Крих С.Б., Попова А.А. Идеология ассирийского государства: историография проблемы // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2017. – Т. 159, кн. 6. – С. 1432–1442.

For citation: Krikh S.B., Popova A.A. The ideology of Assyria: The historiography of the problem. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Gumanitarnye Nauki*, 2017, vol. 159, no. 6, pp. 1432–1442. (In Russian)